

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-109-117

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ О ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ С. МОЗМА В РОМАНЕ «БРЕМЯ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ»

Юркина А. Ю.

*Московский государственный областной университет
41014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности повествования – жанровые и композиционные – в романе «Бремя страстей человеческих», на основе анализа оценок, высказанных английскими и американскими литературоведами. Мозм, несмотря на традиционную форму произведения, линейность повествования, выходит за рамки классических жанров, а также реализма. Автобиографичность и психологизм повествования, scrupulousness в изображении внутренних переживаний героя, а также художественных деталей определяют своеобразие авторских стратегий романиста, создают впечатление очень откровенного диалога с читателем и являются залогом популярности произведения.

Ключевые слова: стратегии повествования, роман становления, реализм, психологизм, автобиографичность, жанровая диффузия.

ENGLISH AND AMERICAN LITERARY CRITICS' VIEWS ON NARRATIVE STRATEGIES IN THE NOVEL "OF HUMAN BONDAGE" BY S. MAUGHAM

A. Yurkina

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the specifics of the novel "Of Human Bondage" – its genre and composition as viewed by English and American literary critics. The author, though sticks to a traditional form, linear narrative, goes beyond classical genres as well as realism. Autobiographical and psychological aspects of the novel, scrupulousness in telling about Philip's feelings, which define author's narrative strategies, make an impression of a very candid dialogue with the reader guaranteeing the popularity of the writing.

Keywords: narrative strategies, bildungsroman, realism, psychology, autobiography, genre diffusion.

Роман «Бремя страстей человеческих» нов, написанных на английском языке, был опубликован в Великобритании в по версии английских и американских 2015 г. и вошёл в сотню лучших рома- издательств.

Первоначально роман назывался “The Artistic Temperament of Stephen Carey” и был перенасыщен автобиографическими подробностями, затем “Beauty from Ashes” (цитата из пророка Исайи). Однако, обнаружив, что это заглавие уже было использовано, Моэм взял название одной из глав «Этики» Спинозы. Роман был опубликован в год, когда вышли в свет многие произведения на английском языке, ставшие классикой: “The Good Soldier” Форда Мэдокса Форда, “The Thirty Nine Steps” Джона Бучана, “The Rainbow” Д. Лоуренса, а также романы В. Вульф, Д. Конрада и др.

Первоначальный вариант романа был написан Моэмом в 1897 г., в возрасте двадцати трёх лет, по окончании пятилетней учёбы в госпитале Св. Фомы, во время путешествия по Испании. Моэм отправил его издателю, однако в публикации ему было отказано. Он отложил роман и стал писать для театра. Вскоре после первого успеха – пьесы «Леди Фредерик» – на подмостках лондонских театров одновременно шли четыре пьесы Моэма.

В автобиографическом труде «Подводя итоги» (“The Summing Up”, 1938) Моэм писал, что его, успешного драматурга, неотступно преследовали мучительные воспоминания о прошлом, а после публикации книги он навсегда освободился от них¹. Писатель настаивал, однако, что его произведение – не автобиография, а автобиографический роман, где факты смешаны с вымыслом, чувства были его собственными, но события взяты частью из жизни людей, которых он знал².

¹ Моэм С. Подводя итоги. М.: АСТ Москва, 2008. С. 198–199.

² Моэм С. Подводя итоги. М.: АСТ Москва, 2008. С. 199.

В «Бремени страстей человеческих» изображены детство и юность героя, период его взросления. Хотя у Моэма к моменту публикации романа сложилась собственная концепция романного жанра, «Бремя страстей» не вполне соответствовало ей. Если в прежних произведениях, пишет современник Моэма критик Дж. Гулд (J. Gould), Моэм показал свою способность создавать завершённые конструкции и блестящее владение остроумным слогом, то в данном романе нет ни того, ни другого: “The succession of incidents is almost wantonly casual... The conversations and descriptions are often amazingly vivid, but seldom amusing; several characters are introduced who, we are given to understand, talk brilliantly, but Mr. Maugham does not allow them to talk in the least brilliantly”. Критик подчёркивает отступление писателя от рационалистической схемы построения сюжета, особую роль деталей, придающих дополнительный смысл повествованию, когда изображение жизни редуцируется настолько, чтобы соответствовать точке зрения повествователя [12].

Тем не менее, в романе нашли воплощение принципы и стратегии повествования, характерные для творчества писателя в целом. Биограф и исследователь творчества Моэма Э. Кёртис (A. Curtis) отмечает его безошибочную способность писателя находить темы, которые не являлись злободневными, однако были значимыми для широкой аудитории, и братья за них с мастерством рассказчика [8, р. 4]. Литературовед подчёркивает свойства, которые сближают писателя Моэма с традициями английской литературы XVIII в. – хладнокровие, уравновешен-

ность, иронию, стремление «вскрывать» общественные предрассудки и ложь. Он также указывает на связь творчества Моэма с традициями французского реализма. Произведения Моэма, полагает Кёртис, можно всегда «узнать», потому что они несут на себе яркую печать автора – писателя-профессионала; “a creature who is witty, courteous, gentlemanly, commonsensical, skeptical, agnostic, hedonistic, totally absorbed in the technique of his craft” [8, p. 4].

Роман «Бремя страстей человеческих», по классификации М. М. Бахтина, является автобиографическим реалистическим романом становления и содержит много личного – переживаний и эмоций, – что создаёт эффект реалистической достоверности и искренности, которая воздействует на читателя, увлекает его.

Английский писатель, публицист, литературовед Роберт Маккрам (Robert McCrum) видит в откровенности автора и автобиографичности романа фактор его успеха у английских читателей, которые, как правило, в подростковом возрасте знакомятся с романом, «проглатывают» его с жадностью, в том числе потому, что Моэм столько вложил самого себя в сюжет и своего “strangely sympathetic protagonist”. Литературовед связывает Моэма-романиста с традициями автора «Дэвида Копперфилда», который черпал вдохновение в собственной жизни; указывает на беспощадность, присущую обоим авторам в изображении собственных переживаний [10]. Действительно, автобиографичность и предельная откровенность изображения внутреннего мира героя становятся основой авторской стратегии в романе.

Американский писатель, культуролог и литературовед Б. Демотт (Benjamin DeMott) также отмечает предельную откровенность автора-повествователя в романе. “The book’s unashamed fullness of feeling”, по его мнению, видна уже в начальных сценах произведения, когда девятилетний Филип, подавленный горем потери любимой матери, заходит в её спальню и открывает платяной шкаф [9]. Такая же, по мнению Демотта, демонстративность (“intense demonstrativeness”) в изображении чувств используется автором спустя несколько сотен страниц романа, когда Филип, уже повзрослевший, удручённый своим, как ему кажется, безнадежным будущим, тронут до слёз греческим барельефом в Британском музее, изображающим двух молодых людей, – финским надгробьем, которое говорит ему об истории человеческой дружбы. Незадолго до того он узнал о смерти старого друга, своего сверстника, и она поразила его.

Демотт отмечает, что, хотя изображение юношеских переживаний в романе напоминает другие истории (“initiation/apprenticeship tales”), тон и подход к повествованию необычны, отличаются новизной. В частности, в поздних главах произведения, где изображается работа Филипа в госпитале акушером, встречаются сцены братского единения, родства душ, которые редко становились центральными в романах воспитания. Речь идёт о сцене, в которой Филип «преломляет хлеб» с молодой парой из рабочего класса, ребёнка которой он принимал. Несмотря на краткость и незначительность с точки зрения повествования в целом, эта сцена является важной с точки зрения

изображения становления личности героя. И Филип, и молодые люди получают удовольствие от общей трапезы и общения. Они не связаны отношениями подчинения либо доминирования, и Филип наконец раскрывается навстречу людям, освобождаясь от постоянной озабоченности самим собой [9].

Современная американская писательница и литературовед, лауреат Пулитцеровской премии Джейн Смайли (Jane Smiley) сравнивает роман Моэма с различными по времени написания и стилистике романами воспитания, такими, как “David Copperfield”, “The Way of all Flesh” С. Батлера и “Wilhelm Meister’s Lehrjahre” Гёте. Как и в других романах воспитания, герой Моэма испытывает трудности в общении со сверстниками из-за какого-либо несчастья, переживает унижения, которые впоследствии служат закаливанию характера. Первый любовный опыт, как и в других романах, оказывается неудачным или проблематичным, однако в итоге способствует счастливому браку. Странствования героев дают автору возможность исследования, сатирического изображения социальных институтов, таких как школа, церковь и сословные различия. Тем не менее, отмечает Смайли, свойственная романам воспитания растянутость и эпизодичность повествования в «Бремени страстей» особенно заметна [11]. Для произведения характерен простой, аналитический, или объясняющий, дискурс, который вообще присущ психологической прозе. Моэм, стремясь к объективности, свойственной его идиостилю [1], просто объясняет, а не показывает, что чувствует Филип [11].

Парадоксально, по мнению Смайли, но автору становится ненужным отбирать наиболее наглядные эпизоды из жизни Филипа, они, скорее, замедляют, а не ускоряют время в романе. Многое рассказывается, “because it happened”, а не потому, что значимо. Моэм, который стремился избавиться от мучительных воспоминаний детства, вероятнее всего, хотел вместить в роман все детали, чем структурировать материал [11]. Действительно, это сближает повествование с аналитической и документальной прозой, создаёт убедительную иллюзию психологической достоверности изображения. В то же время эпичность романа и его объёмность, насыщенность подробностями свидетельствуют о масштабности замысла писателя – в романе запечатлено не просто взросление героя, но жизнь общества в целом, прежде всего, его нравственное и духовное состояние накануне первой мировой войны.

Впечатляющая картина духовного кризиса в Европе того времени, раздвигает границы исторического времени, роман выходит в «просторную сферу исторического бытия», используя терминологию М. Бахтина. В то же время по сравнению с традиционным реалистическим романом становления историческое время имеет здесь свою специфику. Оно вводится через призму эстетических и философских воззрений, споров о морали и роли искусства, которые занимали умы на рубеже веков. Роман приобретает также философское измерение [5, с. 175]. Однако прав Кёртис, который считает, что роман вряд ли можно рассматривать как выражение авторской философии: “If it has a philosophy, it is one of

events rather than ideas” [8, p. 88]. Такой жанровый синтез также является авторской стратегией повествования. При этом Моэм отступает от своего важнейшего принципа при написании произведения – краткости и лаконичности повествования – с целью реализации художественного замысла.

Следует также упомянуть о важном жанровом элементе романа – приключенческом. Хотя акцент в произведении смещён на нравственные и духовные переживания героя, поиски им смысла жизни, путешествия героя также служат главному – поиску смысла жизни, – география его передвижений обширна и разнообразна, а интерес к новым странам и местам весьма велик и не оставляет равнодушным любознательного читателя.

Э. Кёртис сравнивает роман по детальности изображения с картиной, отмечает роль точной и ёмкой художественной детали в создании серии незабываемых впечатлений от жизни на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, называя роман “a most illuminating retrospective one-man show”, а его содержание “rich full canvas” [8, p. 88].

По мнению Дж. Смайли, роман обладает несомненной силой. Эта сила коренится не только в том личном чувстве, которое Моэм вложил в роман, но и в том близком и долгом знакомстве читателя с Филипом, которое состоит из вереницы происходящих с ним событий. Одиночество, изоляция, переживания в сочетании с наблюдательностью воссоздают внутренний мир героя “straightforwardly and vividly” [11]. В то же время, будь стиль повествования не столь простым, более искусным, достоинства Филипа, которые

раскрываются по ходу повествования, не были бы показаны столь полно и не выглядели бы столь правдоподобными [11]. Демотт солидарен в том, что тщательность в изображении чувств героя способствует более содержательному и проникновенному повествованию. Если бы скрупулёзность автора касалась изображения лишь основных поворотных моментов становления героя, связанных с его верой или совестью, считает критик, роман был бы менее полной хроникой взросления и менее “*roignant*” с каждой страницей, как художественное произведение [9]. Реализм и детальность изображения нравов и обычаев эпохи являются творческим методом писателя [4, с. 12].

Как видим, объёмность, детальность и некоторая растянутость повествования, которые становились объектом критики, по мысли некоторых литературоведов, имеют своё художественное обоснование, служат более глубокому психологизму повествования, изображению внутреннего мира героя и в то же время многомерности, объёмности всей картины жизни в романе.

Современная английская писательница М. Бинчи (Maeve Binchy) в послесловии к английскому изданию романа пишет о том, как читатель воспринимает героя романа, подчёркивает особую близость героя читателю, который продельывает с Филипом целое «путешествие». Читатель естественным образом начинает сопереживать герою, вопреки логике здравого смысла надеясь, что его обойдут беды и потери, что его неуклюжий дядя найдёт с ним общий язык, надеется вместе с Филипом, молящимся об исцелении его от хромоты, на чудо [6].

Критик подчёркивает соединение детского, сакрального, веры, наивного и сказочного в психологии героя.

Правдоподобием и реалистичностью роман также обязан тщательному изображению художественной детали – описания настолько живы, что создаётся ощущение близкого знакомства с персонажами и обстановкой [6]. Бинчи рассказывает, как под впечатлением от книги хотела отправить Филипу анонимное письмо, в котором бы написала, чтобы он не был столь тонкокожим. Что это, если не принятие персонажа всерьёз, спрашивает она. Немецкий пансион становится таким знакомым, как наши собственные дома, с приходящими и уходящими посетителями, уроками языка и строгими порядками. То же можно сказать и о богемной жизни героя в Париже, о “strange, loose association of artists and the friendships that blow hot and cold” [6]. Моэм должен был видеть всё это собственными глазами, раз он смог так хорошо передать это в своём романе; съесть тысячу ужасных, невозможных обедов, чтобы быть способным описать свой первый ужин у викария, когда он надеется получить целое яйцо, а вместо этого ему дали лишь верхушку яйца викария – “when he had been expecting much more” [6]. Принцип Моэма писать только о том, что пережил сам, как нельзя убедительнее проявился в «Бремени страстей», где читатель особенно остро чувствует подлинность происходящего благодаря сложной и тонкой стратегии автора.

Интересна как иллюстрация одной из составляющих авторской стратегии повествования, так называемого метода «точки зрения», сцена в «Баль Бюлье», показанная через призму вос-

приятия Филипа. Она укладывается в рамки реалистического дискурса и в то же время окрашена яркой субъективностью. Дёшево одетая и раскрашенная публика: студенты, служащие, продавщицы, уличные женщины танцуют в тесном зале. Танцующие люди изображены такими, какими их видит Филип, подобными животным: “It was a sordid scene... They danced furiously, They danced round the room, slowly, talking very little, with all their attention given to the dance. The room was hot, and their faces shone with sweat. It seemed to Philip that they had thrown off the guard which people wear on their expression, the homage to convention, and he saw them now as they really were. In that moment of abandon they were strangely animal: some were foxy and some were wolflike; and others had the long, foolish face of sheep”¹.

Сравнение танцующих людей с животными обнаруживает влияние натурализма, которое было весьма заметным в английской литературе того периода, как и внимание к социально-психологической проблематике [2], включённость Моэма в английский литературный контекст. Танцующая толпа видится Филипу “terrible and pathetic”, а их жизнь жалкой, “a long succession of petty concerns and sordid thoughts”². Дж. Гулд в *New Statesmen* (1915) называет сцену типичной. Она верна и обладает правдой «угла зрения» в глазах Филипа. “But what an angle!”, – восклицает Гулд. В то же время она настолько неправдива, что от этого становится ещё убедительнее

¹ Моэм С. Подводя итоги. М.: АСТ Москва, 2008. С. 275.

² Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York: Bantam Classic, 2006. P. 275.

[12]. Очевидно, убедительность эта возникает из-за того, что автор долго подготавливает читателя, описывая предшествующие события (похороны Фанни), угрюмое настроение Филипа, встречу его с неприятными людьми, окружающую похоть, а также всю предшествующую жизнь в Париже, которая сильно повлияла на его мировоззрение и восприятие окружающего мира. Метод многоуровневой обусловленности или детерминизма является характерной чертой моэмовского реализма, его психологической прозы.

Дж. Гулд также указывает на детальность описания событий и отмечает парадоксальность такой реалистичности. "There is minuteness without realism, passion without romance, variation without variety: one might say that Mr. Maugham's line is length without breadth". Критик считает, что редкий для английской литературы приём псевдодокументальности ("disguising selectiveness by profusion, of making life conceal art") выбран сознательно. Критик относит Моэма скорее к французской школе, однако допускает, что произведение по своей сути оригинальное, а возможно даже великое [12].

В очерке «Искусство слова» (1959) можно проследить истоки авторских стратегий Моэма. Он подробно рассуждает о том, какая манера повествования лучше: от первого лица или с позиции всеведения, исходя из того, что любой автор желает добиться максимальной достоверности в произведении¹.

В «Бремени страстей» Моэм не придерживается в полной мере ни первого, ни второго принципа изображения.

Позиция всеведения была ему чужда, в отличие, например, от Теккерея. По выражению Кёртиса, Моэм строил "a friendly working relation with readers", что стало его отличительной чертой [8, p. 4].

Моэм предпочитает «подвид метода всеведения», или метод «точек зрения» Генри Джеймса. Этот метод позволяет писателю, как считает Моэм, не отвлекаясь от главного, добиться правдоподобия благодаря тому, что читателю предлагается заинтересоваться одним персонажем, и он по необходимости начинает ему верить. Метод точек зрения выходит за рамки традиционного реалистического дискурса и сближает прозу Моэма с модернизмом. Впрочем, точка зрения в произведении Моэма служит, скорее, углублённому психологизму повествования. Это часть повествовательной стратегии автора, его откровенного диалога с читателем.

Современные критики признают, что Моэм, чьими современниками были Дж. Голсуорси, Макензи, Хью Уолпол и другие «почти забытые» писатели, пережил своё время, а его произведения современны и сегодня, предполагая, что этим он обязан «цинизму», шокирующему для его времени, но близкому современному читателю [7]. Возможно, однако, секрет популярности произведения писателя кроется в созвучных современному читателю стратегиях автора, "a friendly working relation with readers" [8, p. 4], которые побуждают трудиться мысль и чувства читателя, а не довольствоваться готовыми рецептами. Таким образом, Моэм создал роман, который принадлежит не модернистской, а классической традиции английской литературы [3, с. 171].

¹ Моэм С. Искусство слова. О себе и о других. М.: Художественная литература, 1989. С. 31..

ЛИТЕРАТУРА

1. Князева О. В., Поляков О. Ю. Принципы объективного повествования в романе С. Моэма «Бремя страстей человеческих» // Общество. Наука. Инновации. Сборник статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции (2–28 апреля 2018 г.): в 3 томах. Т. 3 [Электронный ресурс]. Киров: Вятский государственный университет, 2018. С. 647–654. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма: автореф. дис ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 439 с.
3. Рейнгольд Н. И. Модернизм в английской литературе. История. Взгляды. Программные эссе. 2-е изд., переработанное. М.: Издательство РГГУ, 2017. 558 с.
4. Хомутникова Е. А. Английская литература конца XIX – начала XX века: Уильям Сомерсет Моэм, Джозеф Конрад, Герберт Уэллс, Артур Конан Дойл. Курган: Курганский национальный университет, 2017. 137 с.
5. Хутыз Ф. А. Концепция художественной прозы Сомерсета Моэма в контексте основных теорий романа первой половины XX века в Великобритании: дис ... канд. филол. наук. Майкоп, 2001. 195 с.
6. Binchy M. Afterword // Maugham W. S. Of Human Bondage. New York: Signet Classics, 2007. P. 555–557.
7. Boyd W. The Secret Lives of Somerset Maugham by Selina Hastings [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/sep/13/secret-lives-somerset-maugham> (дата обращения: 20.01.2019).
8. Curtis A. The Pattern of Maugham. A critical portrait. London: Hamilton, 1974. 278 p.
9. DeMott B. Introduction // Maugham W. S. Of Human Bondage. New York: Signet Classics, 2007. P. 4–7.
10. McCrum R. The 100 Best Novels: No. 44 Of Human Bondage. W. Somerset Maugham [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/jul/21/100-best-novels-of-human-bondage-somerset-maugham-robert-mccrum-philip-carey> (дата обращения: 17.11.2018).
11. Smiley J. Introduction // Maugham W. S. Of Human Bondage. New York: Bantam Classic, 2006. P. 5–15.
12. W. Somerset Maugham / ed. by A. Curtis, J. Whitehead. Cornwall: Routledge, 2013. P. 126–129 (The Critical Heritage Series).

REFERENCES

1. Knyazeva O. V., Polyakov O. Yu. [Principles of objective narration in the novel by S. Maugham “Of Human Bondage”]. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii. Sbornik statei XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2–28 aprelya 2018 g.): v 3 tomakh. T. 3* [Society. Science. Innovation. Collection of articles of the 18th All-Russian Scientific Practical Conference (April 2–28, 2018): in 3 volumes. Vol. 3]. Kirov, Vyatka State University, 2018. pp. 647–654. CD-ROM.
2. Novikova V. G. *Britanskii sotsial’nyi roman v epokhu postmodernizma: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The British social novel in the age of postmodernism: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 2013. 439 p.
3. Reingold N. I. *Modernizm v angliiskoi literature. Istoriya. Vzglyady. Programmnye esse* [Modernism in the English literature. History. Views. Software essay]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017. 558 p.
4. Khomutnikova E. A. *Angliiskaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka: Uil’yam Somerset Moem, Dzhozef Konrad, Gerbert Uells, Artur Konan Doil* [English literature of the late 19th-

- early 20th century: William Somerset Maugham, Joseph Conrad, Herbert Wells, Arthur Conan Doyle]. Kurgan, Kurgan National University Publ., 2017. 137 p.
5. Khutyts F. A. *Kontseptsiya khudozhestvennoi prozy Somerseta Moema v kontekste osnovnykh teorii romana pervoi poloviny XX veka v Velikobritanii: dis. ... kand. filol. nauk* [The concept of the artistic prose of Somerset Maugham in the context of the major theories of the novel in the first half of the 20th century in the UK: PhD thesis in Philological Sciences]. Maykop, 2001. 195 p.
 6. Binchy M. Afterword. In: Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York, Signet Classics Publ., 2007. pp. 555–557.
 7. Boyd W. The Secret Lives of Somerset Maugham by Selina Hastings. In: *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2009/sep/13/secret-lives-somerset-maugham> (accessed: 20.01.2019).
 8. Curtis A. The Pattern of Maugham. A critical portrait. London, Hamilton Publ., 1974. 278 p.
 9. DeMott B. Introduction. In: Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York, Signet Classics Publ., 2007. pp. 4–7.
 10. McCrum R. The 100 Best Novels: No. 44 Of Human Bondage. W. Somerset Maugham. In: *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2014/jul/21/100-best-novels-of-human-bondage-somerset-maugham-robert-mccrum-philip-carey> (accessed: 17.11.2018).
 11. Smiley J. Introduction. In: Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York, Bantam Classic Publ., 2006. pp. 5–15.
 12. Curtis A., Whitehead J., eds. *W. Somerset Maugham*. Cornwall, Routledge Publ., 2013. pp. 126–129 (The Critical Heritage Series).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юркина Анна Юрьевна – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: aypuerto@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna Y. Yurkina – postgraduate student at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: aypuerto@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Юркина А. Ю. Англо-американские литературоведы о повествовательных стратегиях С. Моэма в романе «Бремя страстей человеческих» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-109-117

FOR CITATION

Yurkina A. Yu. English and American literary critics' views on narrative strategies in the novel "Of human bondage" by S. Maugham. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-109-117